

Александр ШУРАЕВ

ДЕТСТВО СО ЗНАКОМ OST

Мое военное детство прошло как бы между двумя стихотворными строками: из довоенной песни – «От тайги до британских морей Красная армия всех сильней» и из фашистской листовки – «Волгу увидел немецкий боец – власти большевистской близок конец». Уверенность в могуществе нашего государства, воспитанная советской пропагандой, пошатнулась с болью по сердцу в первые же месяцы войны под очевидным фактом военного превосходства немцев, и надолго поселилась в душе тревога, боязнь окончательной победы фашистов.

Обусловлено это состояние было тем, что на протяжении четырех лет – два года в оккупации и два года в Германии – мы находились в полной информационной блокаде. Никаких вестей о родных и близких, призванных в армию. Где проходит линия фронта? Наша местность лесостепная, для партизанских действий непригодна, поэтому советские листовки до нас доходили редко.

Только поведение немцев подсказывало нам о положении на фронтах. Бравата и спесь оккупантов начала войны сменились на очевидные досаду и злость зимой 1941/42 годов, когда они потерпели поражение под Москвой. В феврале 1943 года над командным пунктом воинской части был приспущен траурный флаг со свастикой, так мы узнали о Сталинграде.

В Берлине в конце войны (об этом ниже) многие немцы вдруг стали как бы добрее и начали проявлять интерес к России, расспрашивали о колхозах, Сибири (о которой я и сам-то ничего не знал).

О начале войны мы узнали в первый же день, 22 июня. Очевидно, пришла телефонограмма на почту или в сельский совет. Помню реакцию жителей деревни на это известие. Мужики посуровели, а женщины стали по-бабы голосить. Молодёжь, как мой брат Николай и его сверстники, восприняли это известие с уверенностью в нашей скорой победе и спешили попасть в армию, чтобы успеть повоевать. Я, конечно, тоже жил патриотическими чувствами молодёжи.

В нашей деревеньке не было ни электричества, ни радио, но почему-то я знал много песен. Не имея слуха, я не пел, а орал, перевирая мотив, уже тогда знаменитую «Катюшу», «Трёх танкистов», «Тачанку». Что «наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять

по республикам нашим» (песня из кинофильма «Трактористы»), мы нисколько не сомневались.

Но с фронта приходили всё более удручающие сведения. В августе бомбили город Орёл, из нашей деревни Ново-Поветкино было видно, как горят элеватор и завод «Текмаш». И всё-таки в конце сентября я пошёл поступать в пятый класс Гавриловской семилетней школы в селе Рыково, в двух–трёх километрах от нашего села. Занятия в школе так и не начались из-за быстрого приближения фронта.

В сентябре отец, председатель колхоза, занимался эвакуацией скота в тыл. Но вскоре он и наши мужики вернулись без скота – немцы уже перерезали дороги.

В конце сентября в селе появилась воинская часть с зенитными орудиями. Их установили в нашем саду для стрельбы по танкам прямой наводкой, так как с этой позиции хорошо просматривался участок шоссе, по которому ожидалось танковое движение. По сектору обстрела вырубил часть яблонь, тополя. В саду вырыли блиндаж.

Несколько дней мы жили в своей избе вместе с красноармейцами. Запомнилось, как младший командир обучал солдата-узбека (или туркмена) обращению с оружием. А тот по-русски еле понимал.

Затем нас выселили в соседнее село Собакино. Вездесущие мальчишки раздобыли бутылку с зажигательной смесью (тот самый «коктейль Молотова») и подожгли мокнувшие в яме снопы конопли (чтобы получилось пеньковое волокно, стебли конопли вымачивали в воде). А жидкость эта хорошо горит и на воде. Хозяйка снопов сильно ругалась.

И однажды мы увидели, что по шоссе непрерывным потоком двигается чужая техника. Наша часть ушла без боя, оставив орудия, тягачи, боеприпасы.

Боязно, но надо было возвращаться домой со своей коровой и овцами. Во дворе бело от пуха и перьев. В доме – погром, на полу разорванная пополам фотография Молотова (были такие глянцевые открытки членов Политбюро). В избе нас встречает переодетый в нашу гражданскую одежду немолодой красноармеец. Он рассказал, что встретил немцев под видом хозяина, что немцы осмотрели избу, ничего не взяли (только портрет Молотова разорвали), постреляли кур.

Началась наша почти двухлетняя жизнь в оккупации. Несколько дней продолжали ехать на машинах и мотоциклах немецкие войска в какой-то полусотне метров от домов.

Перед домом остановился мотоциклист, высокий, рыжий, в прорезиненном плаще. Это был фельдфебель (мы, мальчишки, довольно быстро разобрал

133

лись в воинских званиях немецкой армии, типах машин из всех стран Европы). Он по-хозяйски расположился в избе за столом и скомандовал: «Матка! Яйко, млеко, фойер!» – и показал, как зажигают спички. Мать на загнетке русской печи стала варить яйца и кипятить молоко. А немец громко рассуждал, перемежая немецкие, польские и русские слова, что через три недели «Москау капут, унд криг капут» (Москва падет, и война закончится). Обедая, он достал свой кусок сыра, и я впервые в жизни ощутил удивительный запах этого неведомого в деревне продукта. Так и запечатлелся в памяти этот первый в моей жизни немец с его чужой речью, формой и запахом сыра.

Осенью 1941 года немецкие солдаты редко заходили в наши избы. Они спешили на север, на Москву. А навстречу им под немногочисленным конвоем тянулись километровые колонны наших военнопленных. Осень холодная, а они в одних гимнастёрках без ремней, в ботинках с обмотками, многие ранены, в бинтах. Мы бросали им хлеб, картошку. Конвоиры не очень этому препятствовали.

Ночевать пленных разместили на колхозном току. Они зарылись в скирды ещё не обмолоченной ржи, наверняка ели там зерна. Охрана по периметру тока всю ночь жгла костры. Утром пленных погнали дальше, в Орёл.

Некоторые пытались остаться в стогу, в надежде, что их не хватятся. Но овчарки охраны легко чуяли спрятавшихся. Выстрелами в воздух конвоиры выгнали их из укрытия. И всё же ночью несколько пленных убежали.

Один из них скрылся у нас на чердаке и очень напугал мать. Когда она утром пришла доить корову, он попросил дать одежду. Переоделся в гражданское и ушёл. Жалкий вид наших пленных на фоне мощи немецкой армии разрушал иллюзию непобедимости Красной армии.

Затем я много раз был свидетелем нашего бессилия, особенно наблюдая воздушные бои. Не раз на моих глазах немцы сбивали наши самолёты. Лётчики выбрасывались на парашютах и пытались по ветру дотянуть до линии фронта. Вражеские пилоты расстреливали их в воздухе. К месту приземления мчались солдаты на мотоциклах.

Уже после войны возле посёлка Тургеневский (за Госконюшной) был обнаружен наш штурмовик. Он врезался в болото. Всех трёх членов экипажа по документам опознали. На месте гибели поставили обелиск.

Мы жили под оккупантами в вечном страхе. Боялись не только за жизнь. Слава Богу, мы избежали массовых карательных экспедиций, даже коммунисты

уцелели. Так, Афоничев Павел Васильевич, бывший председатель сельпо, по прозвищу Жирный из-за его невероятной худобы, благополучно пережил оккупацию; Колесникова Наталья Никитична, начальник нашей почты, Рыжикова Анастасия Михайловна тоже остались живы и невредимы. Доносчиков не нашлось. Мы больше боялись за имущество, продукты, скот.

Когда появлялась колонна немцев, особенно обоз с возницами из наших «вольнонаёмных» военнопленных, то старались подальше спрятать поросят, дав им корма, чтобы не визжали. Если палили соломой заколотую свинью, то боялись, что по запаху палёной щетины обнаружат мясо. Зерно прятали в ямах на огороде.

Зима 1941/42 года выдалась суровой, и легкоодетые вояки, оконфузившиеся с блицкригом, порой снимали с жителей деревни валенки или, заскочив в избу, хватили овчинные шубы.

Однажды немец открыл стрельбу по курам во дворе. Собака бросилась на него. Тот в упор расстрелял пса. В какой же ярости я готов был броситься на этого немца! Ведь он убил моё любимое живое существо.

Мы боялись за девчонок. Когда пьяные вражины стали приставать к девушкам, мой дед, Иван Иофанович Уланов, участник Русско-японской войны, заступился за них. Немцы погнались за ним, но он успел заскочить в избу, обрезать ножницами бороду и залезть на русскую печь. Немцы его не узнали. А могло быть и хуже.

В другом случае к моей сестре Нине тоже пристал молодой солдафон. Она его так толкнула, что он вылетел через порог в сени. Мать испугалась, покрутила пальцем у виска, показывая на Нину. Мол, она дурочка. Но немец сказал: «Гут, паненка!»

Наша бабушка немцев не боялась и всегда вступала с ними в пререкания. Как-то зимой они ночевали у нас. Молодой солдат, не найдя туалета (а туалетов у нас в деревне до войны ни у кого не было), устроился справлять нужду в нежилой части дома. Бабушка его выследила и погнала оттуда. Солдат что-то виновато лопотал, видимо, извинялся, а его товарищи радостно хохотали.

С туалетом связано ещё одно воспоминание. Со свойственной немцам аккуратностью, останавливаясь на постой даже на недолгий срок, они устраивали отхожее место. Не туалет, а именно место. Летом рыли ровик, к двум рядом растущим деревьям прибавляли перекладину, и место готово. Нужду справляли открыто на виду у ... женщин и детей.

Несколько лет назад я увидел в газете «Комсомольская правда» фотоснимок военного времени,

137

на котором голые немецкие солдаты с ремнями на шее сидят рядом на перекладине. Для меня этот факт стал ещё одним из символов фашизма. Полное пренебрежение к чужим, неарийцам. Перед нами, русскими, как перед скотом, можно справлять естественные потребности.

Мы боялись трудовой мобилизации. Летом 1942 года немцы строили узкоколейную железную дорогу от станции Отрада к линии фронта. Дорога проходила по полям параллельно шоссе. В посёлке Жилевский она пересекала шоссе и проходила по усадьбам Кромина и Никишиных, уходя к деревне Фандеево и дальше в сторону Болхова. В логу напротив Гордеевых была станция. Население близлежащих деревень гоняли рыть канавы, насыпать плотно узкоколейки.

Молодых ребят забирали на передовые позиции строить укрепления. Иван Пронин, Лёша Карпухин рассказывали, что они работали так близко от наших, что слышали песни, которые пели бойцы в окопах. А убежать никто к своим не смог.

Весной я отводил от избы талую воду, работая немецкой лопатой. Вдруг недалеко показался немец, который, наверное, отвечал за состояние дороги. Позвал меня. Хотел, похоже, заставить меня работать на дороге. Я испугался и попытался спрятать лопату. Все же немецкая, украдена! Бросился бежать. Немец за мной, что-то кричит мне. Я бегу за дом, в огород, в поле. Попадаю в жирную грязь, галоши соскакивают с ног. Оглядываюсь, и мне кажется, что немец достаёт пистолет. Тогда я впервые испытал настоящий страх смерти. Но слышу крик. Оказывается, бабушка огрела немца граблями, да так, что черенок сломался. И что бы сделалось с бабушкой и домом, если бы не подвернулся наш сельский полицейский – Андрей Иванович Васин! Он сцепился с немцем, и они пошли в комендатуру разбираться.

Смерть ходила всегда рядом с нами. Для нас, мальчишек, огромный интерес представляли оставленные нашими войсками боеприпасы. Мы их взрывали. Стаскивали в заброшенный окоп или овражек гранаты, патроны, снаряды, насыпали дорожку из пороха (если не находилось бикфордова шнура), прятались в укрытие и с замиранием сердца ждали взрыва. Часто такие забавы кончались трагически. Уже осенью 1941 года погибли при попытке разорвать зенитные снаряды, чтобы добыть их них порох, братья Рыжиковы – Толя и Витя. Мой ровесник Лёша Рыжиков потерял руку.

Потом он, Алексей Фёдорович Рыжиков, стал учителем, много лет работал директором средней школы в районном центре Змиевка.

При подобных же взрывных обстоятельствах погибли два моих двоюродных брата.

Погибнуть можно было запросто. Однажды на немецкую часть налетели наши штурмовики. Я спрятался в канаву недалеко от дома. Пока самолёт делал разворот, я выскочил из своего укрытия и побежал ближе к дому, где у нас был вырыт окоп. И в то место, откуда я только что выбежал, попала бомба.

Немцев случалось видеть разных. В декабре 1941-го немецкий легковой автомобиль застрял в сугробе напротив нашего дома. Oberst (полковник) с водителем расположились в нашей избе ночевать. Офицеру очень хотелось поговорить с моим отцом, в котором он видел типичного русского мужика. Нина, немного знавшая немецкий, с грехом пополам переводила. И вот, когда незванный гость начал рассуждать на привычную тему, что скоро Москва будет взята, мой весьма начитанный отец (имевший всего лишь церковноприходское образование в объёме четырёх классов) ответил, что за всю историю немцы никогда Москву не брали, зато русские Берлин захватывали. Он имел в виду взятие Берлина в 1761 году во время Семилетней войны. Немец никак не ожидал услышать такое от простого мужика и начал кричать, что он комиссар, а не крестьянин. В конце концов oberst как-то успокоился.

Осенью у нас на постое оказался пожилой немец. Он занимался прессованием соломы и сена на станции узкоколейки. Тюки эти грузили в поезд и отправляли на фронт. Немец происходил, видно, из бауэров. Его очень удивляла величина нашей картошки, и он даже отправил посылку домой с огромной картофелиной. Свой военный паёк он отдавал матери и питался с нами, ел наши щи, картошку, овощи с огорода. А мне очень уж был в диковинку немецкий гороховый суп с тушёной, картофельные кнедлики и другие деликатесы немецкой кухни. Свою винтовку этот немец оставлял у нашей печки, где стояли ухваты, кочерга.

Нередко я с печки наблюдал, как едят наши постояльцы свои бутерброды со смальцем, ветчиной, сыром. Запомнились рыбные консервы (сардины марокканские, как потом прочитал на банках). Почти всегда кто-то из солдат играл на губной гармошке. В одно утро я незаметно прикрыл на кухонном столе губную гармошку. Немцы и оставили её. Я потом долго пиликал на ней, пока она не сгорела при пожаре.

Когда немецкую часть отводили с фронта на кратковременный отдых, то часть села Полозовские Дворы выселяли к нам в Ново-Поветкино. В своих домах оставался скот, поэтому хозяева ходили ухаживать за ним, доить коров. А еще в обязанность

135

хозяев входило отопление изб. Причем немцы требовали, чтобы пол был тёплым. Спали-то они на полу, на соломе.

У нас жила семья Ивана Кузьмича Пронина. Сыновья его, пронырливые и вороватые, стащили у немцев, живших в их доме (там размещалась походная кухня), ящик с лимонами. Я думал, что это яблоки. Попробовал, а они такие кислые! Не понравились. Да и никто у нас этих диковинных фруктов не пробовал. Мать приспособила лимоны добавлять в самогон. Не помню, чтобы у нас в семье гнали самогон. Наверное, где-то доставали это зелье. Ведь во все времена бутылка водки (самогона) в деревне была основной валютой, расчётным средством при любой сделке.

Лето 1942 года запомнилось относительно тихим. Солдат, обитавший в нашем доме, служил как бы защитой от посягательств со стороны других немцев. Главная забота – пропитание. Мы рассчитывали на свой урожай. Пахали землю, сеяли яровые, сажали картошку и все огородные овощи. Мы оставили у себя брошенного немцами из-за чесотки гнедого меринка. Я его усердно лечил и работал на нём в поле, пас его и других лошадей в ночном вместе с другими мальчишками. В один из ночных налётов наших У-2 («кукурузников») меринок погиб.

Зима 1942/43 года. Немцы злые. С фронта в тыл на отдых едут в санях (снега много, заносы, сугробы, немецкая техника не проходит), обмороженные и вшивые. Видел сам, как солдаты жгли на пламени свечи вшей в швах нижнего белья, приговаривая: «Партизанен, партизанен!». (Их опыт мне пригодился, когда мы бедствовали в землянке дяди Антона зимой 1945/46 г. Только жгли мы своих вшей на горящей лучине, приговаривая: «Вот вам, фрицы!».)

В феврале 1943 года наши сбросили с самолётов листовки. Мы бегали полями по пояс в снегу и собирали их под страхом, что нас могут за это расстрелять. Так мы узнали о победе наших войск в Сталинграде, о пленении армии Паулюса, увидели фото немецких солдат, стоящих с котелками в очереди у полевой кухни. Листовки призывали немецких солдат сдаваться в плен. Так вот почему они приспустили флаги!

Наступила весна 1943 года. Мы слышали гул недалёкого фронта, артиллерийскую канонаду, видели сполохи залпов «катюш». В сторону фронта двигались части вермахта. «Тигры», самоходные орудия «Фердинанд», окрашенные в песочный цвет (переброшены из Африки). Названия эти теперь широко известны. Тогда я не разбирался в них, но то, что это новые типы вооружения, знал точно. Низко летели самолёты с чёрными крестами, не менее полусотни

в каждой группе. Отбомбившись, они возвращались, и мы радовались, что их армада уменьшилась.

Мы ждали освобождения. Но в июле немцы выселили нас в соседнее село Михайловское. Со скотом и немногим скарбом, оставшимся от сгоревшего дома, мы поселились у Серёгиных.

Наш дом сгорел 7 или 8 мая 1943 года. Машину с радиопередатчиком немцы замаскировали под деревьями сада впритык к скотному двору. Что-то у них загорелось, а погода сухая, вспыхнула солома, запылал весь дом...

Через короткое время нас погнали на запад через Моховицу, Маслово, Большое Сотниково на Нарышкино. Здесь я видел, как немцы разрушают железнодорожное полотно. По железной дороге едет жуткая машина с крюком, оставляя после себя вывороченные шпалы и скрученные рельсы.

Немцы разбрасывали листовки с приказом двигаться только на запад: «Все,двигающиеся на восток, будут расстреляны». И всё же многим удалось затаиться в оврагах и дожждаться прихода наших. Так было с семьями дяди Антона и большинства моих односельчан.

Нас гнали не немцы, а, как теперь говорят, лица кавказской национальности. Нам не разрешали варить пищу, жечь костры на ночных привалах, так как в брянских лесах, которыми мы продвигались, действовали партизаны. Наш «табор» насчитывал человек триста. Кто шёл пешком, кто ехал на телегах, как наша семья. В это время завершилась грандиозная битва на Курской дуге, о чём мы тогда ещё не знали.

В конце июля нас привели на станцию Красный Рог. Я в то время уже слышал, что это село связано с именем А. К. Толстого и что здесь он похоронен. Я видел семейный склеп Толстых. Мой отец рассказывал мне об Алексее Константиновиче.

На этой станции нас рассортировали. Более мобильные и работоспособные семейства отправили в Германию, а многодетных – в Прибалтику. В нашей семье все были взрослые (мне уже 14 лет), мать и бабушка внешне выглядели крепкими. И нашу семью вместе с семьёй Ивана Григорьевича Толкачёва из посёлка Никольский, Андрея Егоровича Васина из посёлка Михайловский, Комаровых и Петуховых из деревни Рыково определили в Германию. Семья Ивана Кузьмича Пронина из-за того, что его жена была ранена в бедро осколком при бомбёжке нашей авиацией немецкой части, размещённой в деревне, попала в Латвию.

Но мы толком не знали, куда нас везут. Нас погружали в товарные вагоны. Ехали долго. Часто эшелон останавливался. В Белоруссии после партизанской

136

диверсии поезд медленно проходил по только что восстановленному полотну дороги, на обочине лежали убитые, наверное, партизаны. Под Белостоком в огромном фильтрационном лагере нас снова сортировали. Повезли дальше, через Польшу в Германию.

Во Франкфурте-на-Одере снова фильтрационный лагерь. Здесь нас всех сфотографировали с номерной дощечкой на груди и распределили по хозяевам. Мы попали на самый настоящий невольничий рынок. Хозяин получал потребное количество рабочих, отпускаемых по счёту. И если счёт прерывался на одной семье, родных без разговоров разлучали. Так случилось с семьёй Комаровых.

Из Франкфурта нас везли дальше уже в обычном пассажирском вагоне. Я с огромным интересом смотрел в окно на незнакомую страну. Поразила чистота и аккуратность во всём. И маленькие дома, как игрушечные, и большие дома, стены которых обвиты плющом, чистые улицы, вымощенные булыжником или асфальтированные. И вот стали встречаться надписи со словом «Берлин». Запомнилась дата – 1 сентября (1943).

Нас привезли в лагерь. Его местоположение я, конечно, распознал только после войны. Обратился к энциклопедии (БСЭ. 1927. Т. 5) и в статье «Берлин» нашёл это место. Юго-восток Большого Берлина, недалеко от Трептов-парка, где теперь памятник советским воинам-освободителям и скульптура Вучетича, сделанная с нашего земляка, жителя посёлка Тяжин Н. Масалова, спасшего в Берлине немецкую девочку.

Станция городской железной дороги Баумшутленвег. Маленький пятачок земли, ограниченный берегом Тельтов-канала, высокой насыпью улицы Кёпеникерштрассе и такой же высокой насыпью железной дороги, ведущей в Грюнау. А четвёртая сторона отгорожена высокой кирпичной стеной, за которой скрывался какой-то военный завод. Рядом, за железной дорогой находилось кладбище, на котором хоронили советских граждан, оstarбайтеров. Об этом мне рассказал сотрудник Электронной книги памяти в музее истории Великой Отечественной войны на Покровской горе, когда я искал там следы своего брата Николая.

Перед нашим заселением лагерь освободили от вольнонаёмных итальянцев. Ещё не поставили высокую ограду и охранную будку на входе. Шесть больших жилых бараков, стоявших друг против друга. Барак административный с кухней и клубом с одного конца и хозяйственный барак с большим туалетом на другом конце. Посредине плац и бомбоубежище. Нас в лагере около 600 человек, в основном деревенских жителей из Орловской, Калужской, Брянской и Сум-

ской областей. Многие одеты в своё домотканое платье, у женщин с вышивкой (паневы), в лаптях.

Выделялась группа интеллигентных людей из города Орла, среди них семья Лагутиных: две сестры и дочь одной из них Галя, в которую я был тайно влюблён. Хромая Оксана служила переводчицей, а её сожителю подвизался в роли надзирателя. Оба они были нами ненавидимы. А вот с отчимом Оксаны Николаем Ивановичем Ануфриевым (точно фамилию не запомнил) я потом вместе работал и числю его в категории хороших людей, которые оставили о себе добрую память.

Сначала нас поместили в огромный барак с нарами в три этажа. Вскоре переселили в другой, где в блоке жили всего три семьи: Толкачёвы – 7 человек; Васины – 6 человек и наша – 5 человек (отец, мать, бабушка, Нина и я). Всего 18 человек. Койки в два этажа с тюфяками из древесной стружки. Близко от входа стол у окна и железная печка. Зимой она нас спасала от холода. Нам давали несколько брикетов угля да с работы приносили дрова.

В нашем бараке, в соседнем блоке, размещался здравпункт. Заведовала им пожилая фельдшер из Орла. С интересом наблюдал я, как она, сидя на стуле на крыльчике, читала французские журналы. С этой женщиной-фельдшером у меня связано воспоминание о болезни. Было это, кажется, в 1943 году глубокой осенью. У меня появилась лихорадка с приступами, подобными малярийным, с высокой температурой и ознобами. Фельдшер отвезла меня в госпиталь, по-видимому, для оstarбайтеров.

Запомнилась больничная атмосфера: палата с большим количеством коек и склонённое ко мне лицо медицинской сестры, красивой русской девушки в белом медицинском халате, косынке с красным крестом. Она говорила мне что-то ободряющее.

Деталей нашего быта в бараке не помню. Утром нас выгоняли на работу. Сначала я попал с группой таких же подростков на военный завод в Мариендорфе. Возили нас сюда на городской электричке, в отсеке вагона с надписью «Для собак и военнопленных». По улицам шли под конвоем пожилых немцев или инвалидов без оружия. Спереди и сзади колонны по одному охраннику.

Как же мы грохотали по булыжной мостовой своими брезентовыми ботинками на деревянной подошве! Своя-то обувь быстро изнашивалась. С тротуаров на эту пёструю толпу, отмеченную синими лоскутами на груди с надписью «OST», глазели немцы. Пожилые немки смотрели сочувственно, даже иногда давали деньги или бутерброд, а вот ребяташки бросали в нас камни и неизменно обзывали нас русскими свиньями.

В цехе мы перебирали какие-то детали, вытирали их от смазки тряпками. Рядом оглушительно ревели моторы. Их, наверное, испытывали. Каково было сознавать, что ты помогаешь врагу! Ведь на фронте мой брат воевал с немцами.

Вскоре меня взяли в бригаду плотников, в которой работали наши мужики: отец, Иван Григорьевич Толкачёв и его сын Пётр, Андрей Егорович Васин и его зять Толя Комаров, уже упомянутый Николай Иванович (Ануфриев?). Эта команда была расконвоированная. Нам выдали аусвайсы, удостоверения личности, позволявшие ездить на работу и с работы самостоятельно, но только группой.

Мастерская, где мы работали, размещалась в районе Панков, в северной части Берлина. Здесь же была и контора той организации, на которую работали остарбайтеры, и называлась она «Шу унд ко», а начальником был Герман Гофман. На работу мы ездили на городской электричке в том же отсеке, «Для собак и военнопленных». Мастерская изготавливала деревянные домики, бытовки для строек (в них находились немцы-мастера и хранились инструменты).

Нами командовал старик Макс Люкс. Небольшого роста, лысый, очень шустрый. Он, как и все надзиратели, вечно кричал на нас, но в обеденный перерыв часто меня подкармливал, незаметно совал мне бутерброд со смальцем или сыром. Брал он меня в качестве грузчика в поездки по Берлину. Он в кабине, а я в открытом кузове.

Так было интересно смотреть на огромный город с чистыми улицами, скверами и бульварами, зданиями причудливой архитектуры, большими витринами магазинов. Местами попадались и руины разбомбленных зданий. Но англичане в основном бомбили окраины города, где находились военные объекты.

В мастерской собрался целый интернационал во главе с немцами Максом Люксом, хромой старухой Мартой и её мужем, которые ночью охраняли хозяйство и топили печи.

Учётчицами работали три русские девушки, кажется, из Жиздры. Сохранилась фотография той поры, где эти девушки сфотографированы со мной. Они выглядят вполне прилично, по-городскому нарядные, а я в пальто с чужого плеча, с заплатками и в ботинках на деревянной подошве, но очень довольный. Фотографировал итальянец, о котором чуть ниже. Мастером служил хорват. Были поляки, чех Пауль, литовец Котаус (Котов), на самом деле русский, но так как он имел литовское гражданство, то не считался остарбайтером и жил не с нами в лагере.

Итальянец работал в кузнице как вольнонаёмный и запечатлелся в моей памяти как большой «шутник». Он мне как-то предложил потрогать только что утративший малиновую красноту раскалённый металл на наковальне. И очень развеселился, когда я обжёг пальцы. Правда, он меня тоже опекал: возил как-то к себе на квартиру неподалёку от места работы, чем-то накормил.

В помощниках у него числились два пленных француза. Они за меня заступались. Французы ходили без охраны, в гражданской одежде, беретиках, с шарфиками на шее и не походили на голодных. Меня удивило, что ранней весной они собирали одуванчики (корни с молодыми листочками). Спусти много лет я узнал, что это для них деликатес, и с тех пор сам использую в салатах одуванчики.

В мои обязанности входила заготовка дров для топки печей, уборка туалета во дворе. Я уносил после окончания рабочего дня в убежище и утром приносил в контору папки с документами и пишущие машинки (тут я впервые тайком попробовал печатать на машинке, конечно, с немецким шрифтом). Работа не обременяла меня.

Летом 1944 года, когда начали созревать яблоки в саду на территории мастерской, я стал их воровать. Однажды за этим занятием меня застал немец не из нашей мастерской. Он заставил вытряхнуть из-за пазухи яблоки и накинулся на меня с побоями.

На мой крик сбежались рабочие, но никто из наших не посмел вступить, понимая, что это смертельно опасно. А вот чех Пауль схватился с немцем и прекратил расправу надо мной, проявив своего рода интернациональную солидарность.

Сведений о положении на фронтах мы не имели. Изредка попадались пропагандистские материалы на русском языке, выражавшие уверенность в победе германского оружия. Однажды в лагере оказался офицер из армии Власова. Он был то ли родственником, то ли знакомым кого-то из орловских. Мне бросилась в глаза его щегольская немецкая форма с буквами «РОА» (Русская освободительная армия) на рукаве. Не запомнилась его речь, но ясно, что он агитировал молодёжь вступать во власовскую армию. Никто из наших ребят не согласился.

Покушение на Гитлера в июле 1944 года аукнулось массовым избиением остарбайтеров. Когда мы возвращались с работы, на станции у всех проверяли документы. Увидев наши аусвайсы, молодчики в штатском просто били нас по лицу (повидимому, только за то, что мы русские).

Часто нас избивали на нашей вахте. При возвращении с работы проводился шмон, и, если окажешься недостаточно расторопным, получишь оплеуху.

138

Самым тяжёлым воспоминанием того времени осталось чувство голода. Даже по ночам снилась пицца. На всю жизнь в память врезалась брюква. Запах этих варёных корнеплодов, кажется, пропитал меня на всю жизнь. Дядя Андрей (Андрей Егорович Васин) в шутку учил меня есть этот вонючий суп, зажав нос.

В первые же дни нашего пребывания в лагере начался обмен вещей на хлеб, который приносили наши соотечественники, молодые парни из соседних лагерей для остарбайтеров. Но у нас никаких лишних вещей не имелось, и менять было нечего. Правда, позднее, когда нам стали давать «зарплату» (30 марок в месяц), мы могли купить за такие деньги на чёрном рынке у этих же ребят буханку хлеба (600 г).

Добыча дополнительного пропитания заботила нас почти все два года пребывания в лагере. Брали наших мужиков в выходные дни (воскресенье) на ремонт разбомбленных жилых зданий, таскать на крышу черепицу. За это немцы расплачивались едой. Запомнилась «подлива», томатный соус с запахом мяса, настоящее лакомство. Мать одно время работала на кухне в какой-то немецкой семье поблизости от лагеря и приносила в барак печёную картошку.

Несколько эпизодов, связанных с едой. В обеденный перерыв на заводе нам давали очень жидкую мучную болтушку. Когда я совсем отошал, вдруг взял меня к себе домой на выходной мастер, который надзирал над нами и постоянно кричал по-немецки: «Быстрее, быстрее! Русские свиньи!».

Мы приехали в чистенький маленький домик на окраине города (в том же Мариендорфе) в субботу вечером после работы. Жена его тщательно меня осмотрела, приговаривая: «Партизанен, партизанен!». Это она искала у меня вшей. Заставила снять с себя все тряпье и передела в длинную ночную рубашку. Накормила (но не досыта!). Знала, наверное, какой бедой может это обернуться для голодного мальчишки. Спать уложили в чистую и такую мягкую постель! Утром с хозяином пошли «работать». Убирать грядку морковки, а размером эта грядка с обеденный стол. Видимо, такая «работа» была лишь предлогом для того, чтобы взять меня из лагеря и покормить.

Наша сторожиха Марта по утрам, когда мы приходили на работу в мастерскую, обычно кричала: «Александр! Ком хиер!» (Иди сюда!) И приглашала к себе домой, тут же, рядом с мастерской. Положит в розеточку ложку пудинга с ягодкой из варенья. Я это вмиг слизну, а она спрашивает: «Генух?» (Хватит?) «Нох айн маль» (ещё раз), – отвечаю я. Эта немка снабдила меня одеждой своего сына, воевавшего на Восточном фронте.

Я был хорошо экипирован: вельветовая куртка, шорты, гольфы, какие-то башмаки. В такой одежде можно было появляться в городе без нагрудного знака OST, хотя, конечно, меня выдавала моя славянская внешность. Вот такие были парадоксы. Сын этих немцев и мой брат воюют друг против друга, а они помогают мне выжить.

Однажды меня взяла немка собирать урожай черешни у неё в саду. Залез я на дерево и первым делом наелся до оскомины. Стал уже выбирать поклёванные птицами ягоды. Они слаще. И вот хозяйка приглашает меня обедать. Как же я мог отказаться от аппетитного супа с фрикадельками! Я уж и запах мяса забыл. Конечно, съел всё, что мне дали. И пронесло же потом меня! С обоих концов: и рвота, и понос. Вот так с голодухи я наелся про запас...

Несколько раз мы с моими сверстниками ходили промышлять к немецким военным госпиталям. Заранее узнавали их расположение поблизости от нашего лагеря в помещениях школ. В воскресенье пролезали под проволочное ограждение (рабицу) в дальнем углу лагерной территории у берега канала и шли в город. Конечно, знак OST снимали и высматривали жандармов с нагрудными бляхами. Их следовало обходить стороной.

Мы приходили к школе и маячили под окнами. Раненые солдаты охотно развлекались: бросят буханку хлеба и ржут, наблюдая, как мы набрасываемся на неё. Но мы заранее договаривались делиться после похода.

И ещё непонятный до сих пор эпизод с пропитанием. В начале 1945 года, когда и немцам урезали паёк, мы стали есть хлеба почти вдоволь. А случилось так, что разбомбило дом с конторой, куда собирали отоваренные продовольственные карточки. Женщины из нашего лагеря работали на разборке этих развалин и обнаружили целые стопы газет с наклеенными на них карточками. Опыт обращения с ними у нас был. Иногда немки нам давали хлебные карточки, и мы их отоваривали в магазинах.

Так вот, женщины принесли в лагерь карточки без срока реализации. Их давали солдатам-отпускникам. Придать карточкам товарный вид труда не составляло: отмачивали в воде и сушили (гладили) на горячей трубе печки. И понесли в лагерь буханки хлеба! Ведь видела же охрана, что несут хлеб русские. «Откуда хлеб?» – «Фрау дала». Может быть, и охрана хотела, чтобы их подопечные не голодали?

Могу точно сказать, что во время пребывания в Германии я не испытывал каждодневного страха, как это было у взрослых, в частности, у сестры Нины. Наверное, свойственный тому возрасту романтизм,

интерес ко всему новому позволил мне сохранить в памяти всё-таки не самые страшные эпизоды. Ведь говорят, что детской памяти свойственно подавлять отрицательные эмоции.

Мне очень хотелось читать. Я просил русские книги у наших орловских интеллектуалов. В Берлине, в районе Целендорфа, действовала русская церковь и при ней библиотека. И я туда наведался вместе с лагерными женщинами, которым, кажется, на Пасху разрешили посетить службу.

Впервые увидел я православный храм и службу. В небольшой церкви толпилось много народа. В основном деревенские женщины в платочках из числа остарбайтеров и уважаемые господа из эмигрантов первой волны. Один из них заговорил со мной и пригласил в библиотеку. Мне выдали несколько книг и среди них «Жизнь Климата Самгина» М. Горького. Личный подарок эмигранта, «Зверобой» Фенимора Купера, я потом привёз домой, на родину.

Однажды мы оказались в Берлинском зоопарке. И тут я впервые в жизни видел диких животных: слонов, бегемота, верблюдов, обезьян...

В Трептов-парке я катался на американских горках. Единственный раз за два года побывал в немецком кинотеатре, где-то недалеко от лагеря. Фильм очень длинный, на немецком языке, история какой-то семьи. Понимал что-то с пятого на десятое.

И ещё запомнилась паромная прогулка по реке Шпрее и озерам в районе Грюнау летом 1944 года. В воскресенье нас, человек 200 (по-видимому, изъявивших желание), посадили на прогулочный паром, и целый день мы провели на лоне природы. Еду выдали сухим пайком. Что это была за акция – не знаю. Может быть, что-то показательное для Международного Красного Креста. Но нас Красный Крест официально не защищал. Никаких гуманитарных посылок к нам не приходило, в отличие от рабочих из других стран Европы.

И вот 1945 год. Усилились бомбардировки города. Всё чаще по ночам спускаемся в бомбоубежище. С трудом добираемся с работы в лагерь, так как оказываются разрушенными железнодорожные пути. В апреле администрация лагеря пыталась отправить нас на запад. Остарбайтеры бурно протестовали. Лагерное начальство отступилось, а вскоре вообще исчезло, как и охрана.

Первым делом мы опустошили кухню и кладовые. Но там мало что осталось. Рано утром 22 апреля мы выглянули из бомбоубежища и на территории лагеря увидели наших солдат-разведчиков. Что тут было! Набросились на них с расспросами: а не встречал ли кто на фронте моего отца, брата, сына.

Ведь почти четыре года ничего не знали о судьбе своих близких. Но солдаты в разговоры не вступали, а приказали немедленно покинуть лагерь, так как нашим войскам предстояло форсировать канал. На другом берегу в нижних этажах зданий немцы оборудовали огневые точки.

Пёстрая толпа освобождённых двинулась навстречу наступающим войскам, танкам, бронетранспортёрам, самоходным орудиям. В небе господствовали советские самолёты. Такой контраст с началом войны!

Сзади и впереди нас рвались немецкие снаряды. На тротуарах лежали наши убитые солдаты, прикрытые шинелями. Женщины приоткрывали шинели и со страхом смотрели, не свой ли кто-то погиб.

В толпу русских вливались представители народов всей Европы. Один француз усадил нашу бабушку, к тому времени ослепшую, на тележку и помог перевезти её из зоны интенсивного обстрела. А Толкачёвы в этой суматохе потеряли своего отца Ивана Григорьевича, совсем ослабевшего.

Первую ночь мы провели в лесу у какого-то немецкого посёлка. Нас военные предупреждали, что заходить в немецкие дома опасно, они могут быть заминированы, а продукты отравлены. Но ведь есть то хочется. И мы отправились искать пищу. В одном амбаре нашли горох. Замочили в воде и ели его. В то же время солдаты потрошили немецкие дома в поисках ценных вещей. Вот уж прав А. Твардовский: «По дороге на Берлин вьётся белый пух перин».

Потом нас погрузили в машины, возвращавшиеся с передовой за боеприпасами. Мы тоже привезли из Германии чемодан с постельным бельём, подбронный на улице. Главная ценность нашей семьи – швейная машина «Зингер» – совершила путешествие с нами в Германию и обратно. А ещё мать сохранила золотую монету царской чеканки, сокровище дореволюционное. Позже эта монета хранилась у сестры Нины. Теперь её след затерялся.

Деталей возвращения на родину в памяти не сохранилось. Везли нас в теплушках. Помню Варшаву, разрушенную до основания. На вокзале поляки давали нам белый хлеб, батоны. Какая была радость!

9 мая наш эшелон стоял в Гомеле. Вдруг стрельба. По выработанной за годы войны привычке мы бросились из вагонов в кюветы. И слышим радостное слово: «ПОБЕДА!».

20 мая приехали в Орёл. Пристанище нашли в уцелевшем доме Архаровых на улице Свободы. А 22 мая с отцом пешком отправились в свою деревню. Война закончилась. Закончилось и моё детство. Если можно считать военные годы детскими.